

А.И. ИЛИАДИ
(Кировоград)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. 54–56¹

УДК 81'373.6-81.373.2

Іліаді О. І. Етимологічні нотатки зі слов'янської лексики. 54–56; 8 стор.; кількість бібліографічних джерел – 16; мова російська.

Анотація. У статті, що продовжує авторський цикл етимологічних досліджень слов'янської лексики, зосереджені результати етимологічного аналізу ряду слів, що відносяться до найдавнішого хронологічного пласту слов'янського словника. Реконструйовані у процесі етимологічної процедури праслов'янські форми, ізольовані в системі праслов'янського словотвору, становлять основу також і для відновлення відповідних індоєвропейських прототипів.

Ключевые слова: дериват, праслов'янський, етимологія, словотвір, прототип.

54. Укр. диал. *го́блі* (мн. ч.) ‘колени’, блр. диал. *го́зьль* ‘толстый, тучный’, ‘здоровый’ и др.

В восточнославянском диалектном лексиконе отмечен ряд именных форм с начальным сегментом *гог-*, за которым следует сочетание “гласный + л”. Помимо сходства в структуре, эти слова имеют общую для них особенность семантики, а именно – указание на выпуклость, округлость формы обозначаемых ими предметов. Ср.: укр. диал. *го́блі* ‘колени’ [3, с. 301; 7, с. 112], *гогіль* [гóг’іл’], [гóгул’], [гúг’іл’] *-ол’а* ‘заплетенная и закрученная на голове женская коса’ [1, с. 95], блр. диал. *го́зьль* ‘толстый, тучный’, ‘здоровый’ [6, с. 284]. Это обстоятельство, кажется, свидетельствует в пользу того, что перед нами не омонимичные образования, а производные с суффикс. *-ол’-* от единой в этимологическом отношении корневой основы **gog-* (< и-

¹ Предшествующие статьи этой серии см.: Восточнoукраїнський лінгвістический збірник. Донецьк, 2002. – Вып. 8. – С. 273–277 (1–5); *Slavia orientalis*. – 2006. – Roc. LV. – № 3. – С. 393–399 (6–12); Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. – Донецьк, 2009. – Вип. 20. – С. 149–153 (13–18); Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. – Донецьк, 2010. – Вип. 22. – С. 134–142 (19–23); Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2011. – Вып. 4. – С. 70–75 (24–27); Київська старовина. 2010. – № 3. – С. 33–35 (28–32); *Studia linguistica et juridica*. – Кировоград, 2010. – С. 98–104 (33–37); *Studia linguistica et juridica*. Кировоград, 2011. – № 1. – С. 68–74 (38–44); Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2012. – Вып. 5. – С. 56–62 (45–49); Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2012. – Вып. 6. – С. 56–60 (50–53).

е. *gag-, ср. еще *gōg- ‘нечто круглое, комок’; о некоторых возможных ее рефлексах в славянском нам уже приходилось писать ранее, см.: [4, с. 70]). Примечательной особенностью указанного суффа. является его способность оформлять именно дериваты со значением ‘выпуклый, округлый объект (напр., колено, собранные в узел волосы)’, ‘толстый человек’ и именно от звукоподражательных или экспрессивных основ с этимологической семантикой ‘ком’, ср. вост.-слав. *gog-olъ* и псл. *gom-ola (: слвн. gomòlj ‘ком’, укр. гамéла ‘толстый, неповоротливый человек’) < оноματοпозт. *gom-; *bqb-ol’ь ‘волдырь на коже’: *boba ‘волдырь, нарост на теле, на растении’ [14, вып. 2, с. 231–232; вып. 7, с. 18–19; 16, с. 109–110].

Вопрос о хронологии словообразования решается с учетом двух контрольно значимых моментов: 1) неактивность модели с суффа. -ol’- и спорадичность употребления производных с ним в слав. диалектах; 2) практическое отсутствие в свободном употреблении производящей основы в диалектах, где регистрируется производные формы. Оба они указывают на потенциальную архаику рассмотренной лексической группы, отражающей псл. *gog-olъ.

Предложенный вывод остается актуальным даже при наличии зап.-полесск. *toг, -a* ‘вид прически в форме накрученной узлом косы на голове’ [5, с. 99], которое могло бы восприниматься как производящее для форм типа *gog-ol’a* ‘заплетенная и закрученная на голове женская коса’, если бы не специфика артикуляции заднеязычного *г*. Дело в том, что в западноволынских говорах, где употребляется сущ. *toг*, этот звук может продолжать исконное *к* (как, напр., в *гѣгнуте* ‘умереть’ [5, с. 96] при *кѣкнути* ‘то же’ [15, т. 1, с. 504]), потому в *гог*, скорее, нужно усматривать фонетическое изменение **кок*, сохраненное в составе таких производных, как рус. диал. волог. *коку́ля* ‘узел волос’ [14, вып. 10, с. 118: к **kok-ul’a*].

По соображениям формально-семантического свойства в ряд образований от *гог*- можно включить также и блр. диал. *гѣгаўка* ‘зоб’ [в 13, с. 76: “Неясно. Не связано ли со звукоподраж. гѣгаць”], определив его как дериват на -ка от **gog-al-* с меной *o > e*, обусловленной действием экспрессивной фонетики.

Неясно отношение к рассмотренным словам группы фонетически близких к ним севернорусских лексем, таких как: рус. диал. арханг. *гоголёк* ‘свернувшийся в жидкости и не разболтавшийся комок чего-либо мучнистого’ [2, с. 125], олон. *гого́лька* ‘толокно с маслом на воде’, 1858 г., *гого́лья*, мн. ‘комочки муки в жидком овсяном растворе для блинов или в блинах’, 1918 г. [8, вып. 6, с. 264].

55. Рус. диал. *сугáт* ‘шум, крик’, ‘толкотня’

Группа русских диалектизмов в составе *сугáт* ‘шум, гам, крик’, ‘толкотня’ (костром.), 1852 г., ‘хлопоты, возня’ (курск.), *сугáто* ‘много’ (вят.), 1858 г., произв. *сугáтно* ‘много, большое количество кого-, чего-л.’ (вят.), ‘тесно, скученно’ (тул., Киров., костром., пск.), ‘хлопотливо, беспокойно, суетно’ (курск.), 1859 г. [8, вып. 42, с. 144], *сугáтный* ‘тесный, загроможденный, хлопотливый, шумный, беспокойный, трудный, тяжелый’, ‘обильный, многочисленный’ в работах по истории славянской лексики оценивается как дериват с пристав-

кой су-, при этом отмечается неясность этимологии в целом. Ср., в частности, попытки сопоставить *сугат* с др.-рус. гаи ‘лес, роща’, рус. *гай* ‘шум, крик, гам’ и гать, рус. *загáтный* ‘тесный, битком набитый’ [11, с. 214; 10, с. 793: доп. О. Н. Трубачева].

Нам представляется, что производящая основа *gam-* сохраняет имя, относительно с псл. **gatati*, ср., напр., такие его рефлексы, как серб., хорв. гáтати ‘говорить напраслину’, ‘рассказывать’, др.-пол. *gatać* ‘говорить, разговаривать’, ‘совещаться’, ср. с иным тематическим вокализмом др.-рус. гати-ти ‘подбадривать, воодушевлять (разговорами, рассуждениями)’ [14, вып. 6, с. 105]. Таким образом, постулируя отглагольное имя в составе именного сложения с преф. су-, мы вводим наше слово в круг производных от глагола с речевой семантикой (в *сугáт* представлено ее усиление ‘говор’ → ‘крик’, ‘гам’), которые лишь вторично развили две серии связанных между собой (ср. ‘суета’ ↔ ‘беспокойство’, ‘толкотня’ ↔ ‘множество’) значений. Ср., с одной стороны, ‘суета’, ‘хлопоты’, ‘возня’, ‘толкотня’, ‘беспокойный’, ‘трудный’, ‘тяжелый’, а с другой – ‘множество, большое количество, обилие, загроможденность’. Это семантическое смещение подтверждается данными типологии эволюции значения в славянских языках, ср., в частности, др.-рус., рус.-ц.-сл. мльвити, мльвити, мльвити, молвити ‘говорить, сказать’ и ‘быть в смятении, беспокойстве (о толпе, народе)’, ‘хлопотать, заботиться’, мльвение, молвление, мльвление, молвление ‘суета, беспорядочные хлопоты’ [14, вып. 20, с. 227], ст.-сл. мльва ‘шум, крик, волнение, смятение, возмущение’, ‘толпа’ [9, с. 220]. Другая серия значений ‘множество’, ‘большое количество, обилие, ‘загроможденность’ может быть объяснена из речевой семантики ‘крик, шум’ точно также, как близкие значения рефлексов **obgroma!* **obgromъ* ‘шум, гром, нападение’ и ‘нечто большое, множество’ (ср. др.-чеш. *ohrom* ‘гром, грохот; ужас’ и словц. *ohroma* ‘куча’, пол. *ogrom* ‘огромность, большая величина’, укр. диал. *ogróm* ‘громада’, ‘шум’) ~ **gromъ*, **gromiti* [14, вып. 27, с. 36–37].

Относительно поздний характер изменения семантики не оставляет сомнений в инновационности *сугáт* (и производных), в котором приставка су-была присоединена с целью морфологического выражения коллективности, совместности выполняемого действия несколькими участниками (‘толкотня’, ‘суета’ и далее – ‘беспокойный’, ‘трудный’).

Укр. диал. н.-поднепр. *глушнá*, *глушнét* ‘глухой человек’

Словарь украинских говоров Нижнего Поднепровья содержит ряд оригинальных лексем, словообразовательно прозрачно связанных с прилаг. *глухий*, ср. *глушнá* ‘глухой человек’, *глушнáк* ‘то же’, *глушнét*, *глушнéта* [12, с. 236]. Но вопреки этой отчетливой связи характер их словообразовательной структуры остается в тени, а именно: 1) неясен функциональный статус элемента -п-; 2) неясно, является ли суффиксом сегмент -ет- в *глушнét*, *глушнéта*, как -ак- в *глушпáк*, и тогда эти формы произведены от *глушпá*, или же мы имеем дело с образованиями, в которых суффиксы отсутствуют вообще.

Картина строения этих слов проясняется, если допустить, что *глушнѣт*, *глушнѣта* – диалектные именные сложения основ прилаг. *глухий* и сущ. *пет(а)* ‘пятка’, в которых х изменилось в ш под влиянием аналогии структуры однокоренных *глушійти*, *глуш*, *глушкѣ*, *глушка* и под. Субституция ’а > е во второй части – результат ее дестимологизации, хотя имеются примеры укр. диал. е на месте псл. *ѣ в петьмѣ ‘пятно’ < **рѣтьпо*, *петерня* ‘пять пальцев руки’ < **рѣть* наряду с п’ятнѣ, п’ять [15, т. 4, с. 652]. Правильность такого толкования этимологического состава слова подтверждается рус. диал. материалом, ср. калуж. стар. *глухонѣтый* ‘глухой’, 1892 г., (произв.) *глухонѣтина* ‘насмешливое прозвище глухого, глуховатого человека’, 1892 г. [8, вып. 6, с. 217]. Стало быть, и в укр. примерах отражены аналогичные лексемы – субстантивированные адективы **глух(о)п’ят(а)* > **глушп’ят(а)*.

Предложенная трактовка структуры позволяет уже уверенно говорить о *глушнѣ* как об усечении основы *глушнѣт-* из-за ее частичной дестимологизации. За ним последовало выделение суфф. *-ет-* (ср. укр. диал. *лупѣта* ‘большой кусок хлеба’, *лупѣт* ‘кусочек хлеба’ < *лупити* [14, вып. 16, с. 180]) в уже затемненной форме и, как следствие этого, актуализация *глушп-* как новой производящей базы, от которой было образовано *глушп-ѣк*.

Рассмотренные факты носят локальный характер, т. к., насколько можно судить сейчас, ничего подобного в иных ареалах Украины не известно. Возможно, такие формы – продукт украинского диалектного иронического словотворчества, но в то же время нельзя исключить их первоначальной принадлежности словарю русских переселенцев, обосновавшихся в Нижнем Поднепровье в конце XVIII – нач. XIX ст.

Литература

1. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. У 2-х т. / Г. Л. Аркушин. – Луцьк : Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки, 2000. – Т. 1. – 354 с.
2. Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор / А. Грандильевский // Сборник Отделения русского языка и словесности. – СПб., 1907. – Т. LXXXIII, № 5.
3. Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови [Текст] / Ф. Т. Жилко. – К. : Радянська школа, 1966. – 308 с.
4. Илиади А. И. Этимологические заметки по славянской лексике. 24–27 / А. И. Илиади // Актуальные проблемы лингвистики: Сб. статей Междунар. межвузовской научной конференции (Сургут, 23 апреля 2010 г.). – Сургут : КАН, 2011. – Вып. 4. – С. 70–75.
5. Корзюнок М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок / М. М. Корзюнок // Українська діалектна лексика : Зб. наук. праць. – К. : Наук. думка, 1987. – С. 62–267.
6. Крыўко М. Н. Экспрэсіўныя назвы асобы ў гаворцы в. Манякова Міёрскага раёна / М. Н. Крыўко // 3 народнага слоўніка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – С. 279–296.
7. Матвіяс І. Г. Варіанти української літературної мови [Текст] / І. Г. Матвіяс; НАН України, Ін-т укр. мови. – К. : [б.в.], 1998. – 162 с.

8. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л. ; СПб. : Наука, 1965–2013. – Вып. 1–45.
9. Словарь старославянского языка. Репр. изд.: в 4 т. – М. : СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. – Т. 2. – 648 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1987. – Т. III. – 831 с.
11. Цейтлин Р. М. Материалы для изучения значений приименной приставки *sq-* в славянских языках / Р. М. Цейтлин // Ученые записки Института славяноведения. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 208–247.
12. Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці: В 4 т. / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : Запорізький ун-т, 1992. – Т. I. – с.
13. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Т. 3. – 407 с.
14. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. – М. : Наука, 1974–2013. – Вып. 1–38.
15. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / [за ред. О. С. Мельничука]. – К. : Наук. думка, 1982–2012. – Т. 1–6.
16. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / F. Sławski // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. – Wrocław etc. : PAN, 1974. – Т. I. – S. 43–141.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. 54–56

А.И. Илиади

Аннотация

В статье, продолжающей авторский цикл этимологических исследований по славянской лексике, приведены результаты этимологического анализа ряда слов, относящихся к древнейшему хронологическому пласту славянского словаря. Реконструированные в процессе этимологической процедуры праславянские формы, изолированные в системе праславянского словообразования, являются основанием также и для восстановления соответствующих индоевропейских прототипов.

Ключевые слова: дериват, праславянский, этимология, словообразование, прототип.

**ETYMOLOGICAL NOTES
ON THE SLAVONIC LEXIS. 54–56**

A.I. Iliadi

Summary

The author's cycle of etymological research pertinent to the Slavonic vocabulary is continued, the etymological analysis results of a number of the words relative to the ancient chronological layer of the Slavonic vocabulary is given in the paper. Proto-slavonic forms, reconstructed in the process of etymological procedure, isolated within the system of proto-slavonic word-formation, are also the basis for the reconstruction of appropriate Indo-European prototypes.

Key words: derivative, proto-slavonic, etymology, derivation, prototype.